

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 86. «И зреет мир, засеян словом»

Выпуск № 585

Давид Самойлов

Слова

Красиво падала листва,
Красиво плыли пароходы.
Стояли ясные погоды,
И праздничные торжества
Справлял сентябрь первоначальный,
Задумчивый, но не печальный.

И понял я, что в мире нет
Затёртых слов или явлений.
Их существо до самых недр
Взрывает потрясённый гений.
И ветер необыкновенней,
Когда он ветер, а не ветр.

Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло.

1961

Лариса Патракова

Обыденная жизнь стола:
Семь ящичков, набитых смыслом,
А надо всем – две просто мысли,
Не облечённые в слова.

Двух молний золотой огонь:
Бесчувствие и озаренье...
Предвестие стихотворенья,
Ушедшего от всех погонь.

Край, пропасть, лезвие, обвал,
Истома смертного запрета...
Но вот Творец поцеловал
И жизнь в беспамятстве пропета...

Таинственная жизнь ствола:
Арийский дух коры дубовой...
И зреет мир, засеян словом,
И лист на краешке стола.

Выпуск № 554

Фёдор Тютчев

Фонтан

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной –
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осуждён.

О смертной мысли водомёт,
О водомёт неистошимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятёт?
Как жадно к небу рвёшься ты!..
Но длань незримо-роковая
Твой луч упорный, преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

Зинаида Миркина

Над морем сосны склонены
И даль открыта.
А стих родится из волны,
Как Афродита.

Вот, вот она... и снова нет.
Лишь трепет линий.
А на бумаге – только след
Живой богини.

Одна застывшая черта –
Вот всё искусство.
Была такая полнота!
И снова пусто.

Но, может, смутно передам
Свою тревогу,
Чтоб кто-то вышел по следам
К жилищу Бога.

1983

Выпуск № 206

Фёдор Тютчев

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своём минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла –
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его – лови скорей!
Смотри – оно уж побледнело,

Ещё минута, две – и что ж?
Ушло, как то уйдёт всецело,
Чем ты и дышишь и живёшь.

1865

Афанасий Фет

Сегодня день твой просветленья,
И на вершине красоты
Живую тайну вдохновенья
Всем существом вещаешь ты.

Мечты несбыточной подруга,
Царишь с поэтом ты вдвоём, –
А завтра, верно, мы друг друга
И не найдём и не поймём.

Так, невозможно-несомненно,
Огнём пронизан золотым,
С закатом солнечным мгновенно
Чертогов ярких тает дым.

1887

Выпуск № 13

Афанасий Фет

Как беден наш язык! – Хочу и не могу. –
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И тёмный бред души и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,

Летит за облака Юпитера орёл,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.

1887

Александр Блок

Художник

В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную
Лёгкий, доселе не слышанный звон.

Вот он – возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.

С моря ли вихрь? Или сирины райские
В листьях поют? Или время стоит?
Или осыпали яблони майские
Снежный свой цвет? Или ангел летит?

Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого – нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, –
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил – убил.

И замыкаю я в клетку холодную
Лёгкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести,
Птицу, летевшую душу спасти.

Вот моя клетка – стальная, тяжелая,
Как золотая, в вечернем огне.
Вот моя птица, когда-то весёлая,
Обруч качает, поёт на окне.

Крылья подрезаны, песни заучены.
Любите вы под окном постоять?
Песни вам нравятся. Я же, измученный,
Нового жду – и скучаю опять.

1913

Выпуск № 884

Мария Петровых

Слова пустые лежат, не дышат,
Слова не знают – зачем их пишут,
Слова без смысла, слова без цели,
Они озябших не отогрели,
Они голодных не накормили, –
Слова бездушья, слова бессилья!
Они робеют, они не смеют,
Они не светят, они не греют
И лишь немеют в тоске сиротства,
Не сознавая своё уродство.

Наталья Крандиевская

Хамелеоны пёстрых слов,
Коварство их и многоличье...
Спасай меня, косноязычье!
Дай рык звериный, горло птичье,
Заблудшего оленя рёв!

Они правдивей во сто крат
И во сто крат красноречивей,
Когда поют с природой в лад,
Когда в бесхитростном порыве
О бытии своём вопят.

Будь как они! Завидууй им,
Они одни чисты, как пламя,
О чём не ведают и сами,
А мы лукавим, мы мудрим,

И между слов змеёй скользим,
И ускользаем за словами.

1960-1961

Выпуск № 215

Осип Мандельштам

Раковина

Быть может, я тебе не нужен,
Ночь; из пучины мировой,
Как раковина без жемчужин,
Я выброшен на берег твой.

Ты равнодушно волны пенишь
И несговорчиво поёшь;
Но ты полюбишь, ты оценишь
Ненужной раковины ложь.

Ты на песок с ней рядом ляжешь,
Оденешь ризою своей,
Ты неразрывно с нею свяжешь
Огромный колокол зыбей;

И хрупкой раковины стены, —
Как нежилого сердца дом, —
Наполнишь шёпотами пены,
Туманом, ветром и дождём...

1911

Анна Ахматова

Поэт

Подумаешь, тоже работа, —
Беспечное это житьё:
Подслушать у музыки что-то
И выдать шутя за своё.

И чьё-то весёлое скерцо
В какие-то строки вложив,
Поклясться, что бедное сердце
Так стонет среди блестящих нив.

А после подслушать у леса,
У сосен, молчальниц на вид,
Пока дымовая завеса
Тумана повсюду стоит.

Налево беру и направо,
И даже, без чувства вины,
Немного у жизни лукавой,
И всё – у ночной тишины.

1959

Давид Самойлов

Извечно покорны слепому труду,
Небесные звёзды несутся в кругу.

Беззвучно вращаясь на тонких осях,
Плывут по вселенной, как рыбий косяк.

В раздумье стоит на земле человек,
И звёзды на щёки ложатся, как снег.

И в тесном его человеческом мозгу
Такие же звёзды метутся в кругу.

В нас мир отражен, как в воде и стекле,
То щёки уколёт, подобно игле,

То шоркнет по коже, как мёрзлый рукав,
То скользкою рыбкой трепещет в руках.

Но разум людской – не вода и стекло,
В нём наше дыханье и наше тепло.

К нам в ноги летит, как птенец из гнезда,
Продрогшая маленькая звезда.

Берём её в руки. Над нею стоим,
И греем, и греем дыханьем своим.

Выпуск № 566

Александр Блок

Голоса скрипок

Евг. Иванову

Из длинных трав встает луна
Щитом краснеющим героя,
И буйной музыки волна
Плеснула в море заревое.

Зачем же в ясный час торжеств
Ты злишься, мой смычок визгливый,
Врываясь в мировой оркестр
Отдельной песней торопливой?

Учись вниманью длинных трав,
Разлейся в море зорь бесцельных,
Протяжный голос свой послав
В отчизну скрипок запредельных.

1910

Лариса Патракова

Концы и начала –
Одна невозможная нота...
Как птица кричала,
Забывшая чудо полёта.

Не помня восторга,
Тревожно кричала и сир...
Серебряным горлом
Забывшее счастье просила.

Но сколько неправды
В бескрылой серебряной песне,
И падая в травы,
Она остывала на месте,

Концы и начала –
Одна невозможная нота...
Как птица кричала,
Забывшая чудо полёта.

Николай Гумилёв

Слово

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орёл не взмахивал крылами,
Звёзды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъярёмный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передаёт.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.

И, как пчёлы в улье опустелом,
Дурно пахнут мёртвые слова.

1921

Выпуск № 898

Зинаида Миркина

А может, стих есть оправданье,
Мой пропуск в вечность: всё заданье
Исполнено на этот миг:
Миг полон был и был велик.
Стих – просто удостоверение,
Что остановлено мгновенье,
И что божественный поток
Минуя сердце не протёк,
А напитал его до края.
Всего одно мгновенье рая
Заслужено. И снова труд,
И снова пуст грудной сосуд.
Бог снова жаждет. С мигом каждым
Неутолимей эта жажда.
И всё же каждое мгновенье –
Глоток, несущий утоленья.

1983

Марина Цветаева

Так, в скудном труженичестве дней,
Так, в трудной судорожности к ней,
Забудешь дружественный хорей
Подруги мужественной своей.

Её суровости горький дар,
И лёгкой робостью скрытый жар,
И тот беспроволочный удар,
Которому имя – даль.

Все древности, кроме: *дай* и *мой*,
Все ревности, кроме той, земной,
Все верности, – но и в смертный бой
Неверующим Фомой.

Мой неженка! Сединой отцов:
Сей беженки не бери под кров!
Да здоровствует левогрудый ков
Немудрствующих концов!

Но может, в щебетах и в счетах
От вечных женственностей устав –
И вспомнишь руку мою без прав
И мужественный рукав.

Уста, не требующие смет,
Права, не следующие вслед,
Глаза, не ведающие век,
Исследующие: свет.

1922

Выпуск № 741

Арсений Тарковский

К стихам

Стихи мои, птенцы, наследники,
Душеприказчики, истцы,
Молчальники и собеседники,
Смиренники и гордецы!

Я сам без роду и без племени
И чудом вырос из-под рук,
Едва меня лопата времени
Швырнула на гончарный круг.

Мне вытянули горло длинное,
И выкруглили душу мне,
И обозначили былинные
Цветы и листья на спине,

И я раздвинул жар берёзовый,
Как заповедал Даниил,
Благословил закат свой розовый
И как пророк заговорил.

Скупой, охряной, неприкаянной
Я долго был землёй, а вы
Упали мне на грудь нечаянно
Из клювов птиц, из глаз травы.

1960

Лариса Патракова

Ночь читала стихи. И июльское небо держалось
На высоких, зовущих, тревожных, как правда, словах...
Жар молитвы, тоска, все заботы, щемящая жалость
Невозможную песней дышали у ночи в устах.
Как высокая песня сжигала притихшие травы...
Как гудели деревья, разбужены волей стихий...
И в своей простоте невозможной, до ужаса правы,
Шли слова по аллеям. Ночь читала стихи.

Николай Заболоцкий

Кузнечик

Настанет день, и мой забвенный прах
Вернётся в лоно зарослей и речек,
Заснёт мой ум, но в квантовых мирах
Откроет крылья маленький кузнечик.

Над ним, пересекая небосвод,
Мельчайших звёзд возникнут очертанья,
И он, расправив крылья, запоёт
Свой первый гимн во славу мирозданья.

Довольствуясь осколком бытия,
Он не поймёт, что мир его чудесный
Построила живая мысль моя,
Мгновенно затвердевшая над бездной.

Кузнечик – дурень! Если б он узнал,
Что все его волшебные светила
Давным-давно подобием зеркал
Поэзия в пространствах отразила!

1947

Выпуск № 532

Мария Петровых

Прикосновение к бумаге
Карандаша – и сразу
Мы будто боги или маги
В иную входим фазу.
И сразу станет всё понятно,
И всё нестрашно сразу,
Лишь не кидайтесь на попятный,
Не обрывайте фразу,
И за строкой строка – толпою,
Как будто по приказу...
Лишь ты, доверие слепое,
Не подвело ни разу.

1967

Арсений Тарковский

Слово

Слово только оболочка,
Плѐнка, звук пустой, но в нём
Бьѐтся розовая точка,
Странным светится огнѐм,

Бьѐтся жилка, вьѐтся живчик,
А тебе и дела нет,
Что в сорочке твой счастливчик
Появляется на свет.

Власть от века есть у слова,
И уж если ты поэт,
И когда пути другого
У тебя на свете нет,

Не описывай заране
Ни сражений, ни любви,
Опасайся предсказаний,
Смерти лучше не зови!

Слово только оболочка,
Плѐнка жребиев людских,
На тебя любая строчка
Точит нож в стихах твоих.

1945

Фѐдор Сологуб

Нет словам переговора,
Нет словам недоговора.
Крепки, лепки навсегда,
Приговоры-заклинанья
Крепче крепкого страданья,
Лепче страха и стыда.

Ты измерь, и будет мерно,
Ты поверь, и будет верно,
И окрепнешь, и пойдѐшь
В путь истомный, в путь бесследный,
В путь, от века заповедный.
Всѐ, что ищешь, там найдѐшь.

Слово крепко, слово свято,
Только знай, что нет возврата
С заповедного пути.
Коль пошѐл, не возвращайся,
С тем, что любо, распрощайся, –
До конца тебе идти.

Заклинаньем обречѐнный,
Вещей деве обручѐнный,

Вдался слову ты в полон.
Не жалею о том, что было
В прежней жизни сердцу мило,
Что истаяло, как сон.

Ты просил себе сокровищ
У безжалостных чудовищ,
Заклинающих слова,
И в минуту роковую
Взяли плату дорогую,
Взяли всё, чем жизнь жива.

Не жалею о ласках милой.
Ты владеешь высшей силой,
Высшей властью облечён.
Что живым сердцам отрада,
Сердцу мёртвому не надо.
Плачь, не плачь, ты обречён.

1922

Выпуск № 1303

Бахыт Кенжеев

Забытого промысла малая часть, дитя за стеклянной стеной,
несложную жизнь доживает, кичась свободой своей потайной –

но древо познания Ева тряхнёт, под змеем прогнётся лоза –
из шестиугольных обёрточных сот колючие грянут глаза –

есть царство шафраново-чёрных полос, где твой добросовестный труд
вспетые смертником челюсти ос в бумажную массу сгрызут.

А ты накануне ещё проклянешь двусмысленной бедности гнёт, –
с ножом нержавеющей бронзовый нож скрестившись, на солнце блеснёт,

и вдруг озарит – никогда и нигде. У зеркала пальцы болят,
неслышная рябь на узорной воде лицо растворяет и взгляд,

и если без воздуха сердце живёт – то влагу сентябрьскую пьёт,
последняя истина пасмурных вод колеблет его переплёт –

ленивые плети русалочьих трав сгущаются над головой,
и рыбий язык по-осеннему прав, раздвоенный и неживой...

Осип Мандельштам

Я по лесенке приставной
Лез на включенный сеновал, –
Я дышал звёзд млечных трухой,
Колтуном пространства дышал.

И подумал: зачем будить
Удлиненных звучаний рой,
В этой вечной склоке ловить
Эолийский чудесный строй?

Звёзд в ковше медведицы семь.
Добрых чувств на земле пять.
Набухает, звенит темь
И растёт и звенит опять.

Распряженный огромный воз
Поперёк вселенной торчит.
Сеновала древний хаос
Защекочет, запорошит...

Не своей чешуёй шуршим,
Против шерсти мира поём.
Лиру строим, словно спешим
Обрасти косматым руном.

Из гнезда упавших щеглов
Косари приносят назад, –
Из горящих вырвусь рядов
И вернусь в родной звукоряд.

Чтобы розовой крови связь
И травы сухорукий звон
Распростились; одна – скрепясь,
А другая – в заумный сон.

1922

Выпуск № 1395

Бахыт Кенжеев

Ледяной синевой обделённый,
лепит дерево слепорождённый
в разумении тёмном своём.
Хорошо ему жить, властелину
влажной, серой, фисташковой глины,
хорошо ему с Богом вдвоём.

Создавая на ощупь, по звуку
воплощение шумного бука,
и осины, и мглистой луны
на ущербе, он счастлив до дрожи –
так творения эти похожи
на его сокровенные сны.

Двадцать лет уже он, не робея,
лепит дупла и листья – грубее
настоящих, но, веруя в труд
ради вечности, в глиняный воздух, –
жаль, что даже бездомные звёзды
подаянья его не берут.

А учитель его терпеливый
шелестит облетающей ивой,
недовольною воет трубой,
обещая на обе сетчатки
навсегда наложить отпечатки
небывалой беды голубой.

Нам-то что? Мы и сами с усами.
Глина, глина у нас под ногтями,
мой читатель, – попробуй отмой.
Не ощупать поющей синицы –
и томится в трёхмерной темнице
червоточина речи прямой.

Ярослав Таран

Рождение слова

Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с древа,
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной...

Мандельштам

Прозренья зрелого веселье –
не суд, но сад судьбы осенний.
Лесов хрустящих дух грибной,
небес пронзительных покой.
И вечерами долго слушать
грусть, возвышающую душу.
Прозренья зрелого часы
вскрывают в памяти разбухшей
чернорабочие пласты.

Припоминанье добрых рук,
и яблоч падаящих звук
в полночной тишине большой.
Звёзд переключка – слово друг,
рождаясь, видит нас с тобой.
И воздух, искренно-бесстрашный,
наполнив смыслом жизни круг,
души справляет новоселье,
как первый снег на чёрной пашне,
как первый стих поэту важен –
прощальный свет любви последней.

Не суд, но сад осенний. Треск
в печи поленьев – как протест,
борьба со смертным наважденьем.
Слов девальвацию, растление
зима излечит льдом забвенья –
и память чистого листа
так бесконечна и проста,
как целомудренна свобода
в круговороте вечном года
и веры зерновые роды.

Под переключку этих звёзд
пить губ твоих прикосновенье.

И в путь – открытый, как вопрос
Творца над бездною творенья.
Не суд, но сад – судьбы свершенья.
Звук солнца, падающий с древа.
В любовной тьме земного чрева
кипит работа всепрощенья.

2012

Осип Мандельштам

Грифельная ода

Мы только с голоса поймём,
Что там царапалось, боролось...

Звезда с звездой – могучий стык,
Кремнистый путь из старой песни,
Кремня и воздуха язык,
Кремень с водой, с подковой перстень.
На мягком сланце облаков
Молочный грифельный рисунок –
Не ученичество миров,
А бред овечьих полусонок.

Мы стоя спим в густой ночи
Под тёплой шапкою овечьей.
Обратно в крепь родник журчит
Цепочкой, пеночкой и речью.
Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг
Свинцовой палочкой молочной,
Здесь созревает черновик
Учеников воды проточной.

Крутые козы города,
Кремней могучее слоенье;
И всё-таки ещё гряда –
Овечьи церкви и селенья!
Им проповедует отвес,
Вода их учит, точит время,
И воздуха прозрачный лес
Уже давно пресыщен всеми.

Как мёртвый шершень возле сот,
День пёстрый выметен с позором.
И ночь-коршунница несёт
Горящий мел и грифель кормит.
С иконоборческой доски
Стереть дневные впечатленья
И, как птенца, стряхнуть с руки
Уже прозрачные виденья!

Плод нарывал. Зрел виноград.
День бушевал, как день бушует.
И в бабки нежная игра,
И в полдень злых овчарок шубы.
Как мусор с ледяных высот –
Изнанка образов зелёных –
Вода голодная течёт,
Крутясь, играя, как зверёныш.

И как паук ползёт ко мне –
Где каждый стык луной обрызган,
На изумлённой крутизне
Я слышу грифельные визги.
Ломаю ночь, горящий мел,
Для твёрдой записи мгновенной.
Меняю шум на пенье стрел,
Меняю строй на стрепет гневный.

Кто я? Не каменщик прямой,
Не кровельщик, не корабельщик, –
Двурушник я, с двойной душой,
Я ночи друг, я дня застрельщик.
Блажен, кто называл кремень
Учеником воды проточной.
Блажен, кто завязал ремень
Подошве гор на твёрдой почве.

И я теперь учу дневник
Царапин грифельного лета,
Кремня и воздуха язык,
С прослойкой тьмы, с прослойкой света;
И я хочу вложить персты
В кремнистый путь из старой песни,
Как в язву, заключая в стык –
Кремень с водой, с подковой перстень.

1923, 1937

Выпуск № 1253

Марина Цветаева

Каменной глыбой серой,
С веком порвав родство.
Тело твоё – пещера
Голоса твоего.

Недрами – в ночь, сквозь слепость
Век, слепотой бойниц.
Глухонемая крепость
Над пестротою жниц.

Кутают ливни плечи
В плащ, плесневевет гриб.
Тысячелетья плещут
У столбняковых глыб.

Горе горе! Под толщей
Век, в прозорливых тьмах –
Глиняные осколки
Царств и дорожный прах

Битв...

1922

Лариса Патракова

Бог спел меня.
Одним протяжным звуком,
Единственным, который подошёл мне,
Заполнил даль миров и дальше дали –
Длину волны всем сообщая сразу,
Как знак, как пропуск – в нём моё бессмертье.
Всю память о себе не утаил Он:
Всё выдохнул в меня с таким доверьем,
И, отзвучав во всех мирах и далях,
Звук возвратился в точку притяженья:
Я помнила ещё в четыре года: яйцо светилось звуком –
Это я. Так получила я себя в подарок:
Бог спел меня и отдохнул немного.

Выпуск № 1004

Николай Заболоцкий

Мир однолик, но двойственна природа,
И, подражать прообразам спеша,
В противоречьях зреет год от года
Свободная и жадная душа.

Не странно ли, что в мировом просторе,
В живой семье созвездий и планет
Любовь уравнивает горе
И тьму всегда преодолагает свет?

Недаром, совершенствуясь от века,
Разумная природа в свой черёд
Сама себя руками человека
Из векового праха создаёт.

1948

Анна Ахматова

Борис Пастернак

Он, сам себя сравнивший с конским глазом,
Косится, смотрит, видит, узнаёт,
И вот уже расплавленным алмазом
Сияют лужи, изнывает лёд.

В лиловой мгле покоятся задворки,
Платформы, брёвна, листья, облака.
Свист паровоза, хруст арбузной корки,
В душистой лайке робкая рука.

Звонит, гремит, скрежещет, бьёт прибором
И вдруг притихнет, – это значит, он
Пугливо пробирается по хвоем,
Чтоб не спугнуть пространства чуткий сон.

И это значит, он считает зёрна
В пустых колосьях, это значит, он
К плите дарьяльской, проклятой и чёрной,
Опять пришёл с каких-то похорон.

И снова жжет московская истома,
Звонит вдали смертельный бубенец –
Кто заблудился в двух шагах от дома,
Где снег по пояс и всему конец?..

За то, что дым сравнил с Лаокооном,
Кладбищенский воспел чертополох,
За то, что мир наполнил новым звоном
В пространстве новом отраженных строк, –

Он награждён каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он её со всеми разделил.

1936

Выпуск № 32

Вячеслав Иванов

Вы, чей резец, палитра, лира,
Согласных Муз одна семья,
Вы нас уводите из мира
В соседство инобытия.

И чем зеркальней отражает
Кристалл искусства лик земной,
Тем явственней нас поражает
В нём жизнь иная, свет иной.

И про себя даёмся диву,
Что не заметили досель,
Как ветерок ласкает ниву
И зелена под снегом ель.

1944

Афанасий Фет

Есть ночи зимней блеск и сила,
Есть непорочная краса,
Когда под снегом опочила
Вся степь, и кровли, и леса.

Сбежали тени ночи летней,
Тревожный ропот их исчез,
Но тем всевластней, тем заметней
Огни безоблачных небес.

Как будто волею всезрящей
На этот миг ты посвящён
Глядеть в лицо природы спящей
И понимать всемирный сон.

1885

Василий Жуковский

Невыразимое

Отрывок

Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и лёгкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разное с единством согласила!
Но где, какая кисть её изобразила?
Едва-едва одну её черту
С усилием поймать удастся вдохновенно...
Но льзя ли в мёртвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас.
Не часто ли в величественный час
Вечернего земли преображенья,
Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена, —
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полёте удержать,

Ненареченному хотим названиее дать –
И обессиленно безмолвствует искусство?
Что видимо очам – сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката –
Сии столь яркие черты –
Легко их ловит мысль крылата,
И есть слова для их блестящей красоты.
Но то, что слито с сей блестящей красотой –
Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей немлемый одной душою
Обворожающего глас,
Сие к далёкому стремленье,
Сей миновавшего привет
(Как прилетевшее незапно дуновенье
От луга родины, где был когда-то цвет,
Святая молодость, где жило упованье),
Сие шепнувшее душе воспоминанье
О милом радостном и скорбном старины,
Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие Создателя в создание –
Какой для них язык?.. Горе душа летит,
Всё необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.

1819

Выпуск № 1320

Осип Мандельштам

Я скажу это начерно, шопотом,
Потому что ещё не пора:
Достигается потом и опытом
Безотчётного неба игра.

И под временным небом чистилища
Забываем мы часто о том,
Что счастливое небохранилище –
Раздвижной и прижизненный дом.

1937

Давид Самойлов

Кто двигал нашею рукой,
Когда ложились на бумаге
Полузабытые слова?
Кто отнимал у нас покой,
Когда от мыслей, как от браги,
Закруживалась голова?
Кто пробудил ручей в овраге,
Сначала слышимый едва,
И кто внушил ему отваги,
Чтобы бежать и стать рекой?..

Алексей Толстой

Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!
Вечно носились они над землёю, незримые оку.
Нет, то не Фидий воздвиг олимпийского славного Зевса!
Фидий ли выдумал это чело, эту львиную гриву,
Ласковый, царственный взор из-под мрака бровей громоносных?
Нет, то не Гёте великого Фауста создал, который,
В древнегерманской одежде, но в правде глубокой, вселенской,
С образом сходен предвечным своим от слова до слова!
Или Бетховен, когда находил он свой марш похоронный,
Брал из себя этот ряд раздирающих сердце аккордов,
Плач неутешной души над погибшей великою мыслью,
Рушеньё светлых миров в безнадежную бездну хаоса?
Нет, эти звуки рыдали всегда в беспредельном пространстве,
Он же, глухой для земли, неземные подслушал рыдания.
Много в пространстве невидимых форм и неслышимых звуков,
Много чудесных в нём есть сочетаний и слова и света,
Но передаст их лишь тот, кто умеет и видеть и слышать,
Кто, уловив лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово,
Целое с ним вовлекает создание в наш мир удивлённый.
О, окружи себя мраком, поэт, окружися молчаньем,
Будь одинок и слеп, как Гомер, и глух, как Бетховен,
Слух же душевный сильнее напрягай и душевное зренье,
И, как над пламенем грамоты тайной бесцветные строки
Вдруг выступают, так выступят вдруг пред тобою картины,
Выйдут из мрака – всё ярче цвета, осязательней формы,
Стройные слов сочетания в ясном сплетутся значенье –

Ты ж в этот миг и внимай, и гляди, притаивши дыханье,
И, созидаю потом, мимолётное помни виденье!

1856